Текст · 16 января 2019, 19:14
Анна Козкина, Елизавета Пестова,

«Ну, я сделал ему выстрел в спину». Нападение «банды ГТА» на конвоиров и полицейских в рассказах потерпевших

Сегодня в Мособлсуде допросили троих потерпевших по делу о неудавшемся побеге предполагаемых членов «банды ГТА» в августе 2017 года. Конвоир и двое полицейских рассказали, как пятеро подсудимых завладели оружием и устроили в здании суда перестрелку, в результате которой четверо из пяти беглецов были убиты. «Медиазона» приводит главные моменты из показаний силовиков.

Московский областной суд начал рассматривать по существу уголовное дело о неудавшемся побеге предполагаемых членов «банды ГТА». Гражданин Таджикистана Хазратхон Додохонов обвиняется по части 3 статьи 313 УК (побег из-под стражи с применением насилия), пункту «б» части 4 статьи 226 (хищение огнестрельного оружия с применением насилия, опасного для жизни или здоровья) и статье 317 (посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов). Другие участники нападения на конвоиров были убиты.

Додохонов не признал себя виновным и заявил отвод своему адвокату по назначению. По словам подсудимого, защитник отказалась сделать для него

копии материалов дела из «личной неприязни», сообщало агентство «Москва». 16 января в суде дали показания потерпевшие — полицейские Дмитрий Ананичев и Денис Коробчан, а также конвоир Михаил Фортушняк. Всего в деле семеро потерпевших. «Медиазона» публикует ключевые фрагменты сегодняшних допросов в суде.

Дело «банды ГТА» и перестрелка в Московском областном суде

1 августа 2017 года в Мособлсуде прошло очередное заседание по делу «банды ГТА». Всего в деле насчитывалось восемь фигурантов, которых обвиняли в 17 убийствах.

После заседания подсудимых вывели из зала заседаний, пятеро из них оказались в лифте с двумя конвоирами — Михаилом Фортушняком и Елизаветой Лукьяновой. Фигуранты дела общались между собой на родном языке, в какой-то момент один из них отдал команду, и все пятеро принялись избивать конвоиров.

По версии следствия, обвиняемые Холик Субханов, Фазритдин Хасанов, Абдумуким Мамадчонов, Мирзомавлон Мирзошарипов и Хазратхон Додохонов вступили в сговор для нападения на конвоиров и побега из-под стражи. Члены «банды ГТА» похитили у них оружие и открыли огонь по полицейским и нацгвардейцам.

В результате перестрелки с силовиками Субханов, Мамадчонов и Мирзошарипов были убиты. Хасанов и

Додохонов были ранены, позже Хасанов скончался в больнице. В итоге единственным фигурантом дела о нападении на конвоиров стал Додохонов. Остальные подсудимые, не участвовавшие в попытке побега, проходят по делу свидетелями.

Раненый в перестрелке. Фото: Илья Питалев / РИА Новости

Через год после перестрелки, 9 августа 2018 года, Мособлсуд огласил приговор по основному делу «банды ГТА». Шерозджон Кодиров, Хазратхон Додохонов, Умар Хасанов и Анвар Улугмурадов приговорены к пожизненному лишению свободы, Зафарджон Гулямов — к 20 годам в колонии строгого режима. Еще трое предполагаемых участников нападений объявлены в розыск, а двое арестованы в Таджикистане. «Медиазона» подробно писала об обвинениях против членов «банды ГТА».

Бывший конвоир Михаил Фортушняк, после событий в Мособлсуде был комиссован

В суде Фортушняк рассказал, что участников банды конвоировали группами по четыре или пять человек. Подсудимых при конвоировании наручниками приковывали к одной цепи. При этом у каждого из них оставалась свободной левая рука. Кроме того, на следствии выяснилось, что от наручников некоторых моделей можно избавиться без ключей.

«Некоторые из наручников можно было расстегнуть булавкой, [некоторые] могли расстегнуться при сильном

движении руки. Об особенностях наручников знали как конвоиры, так и конвоируемые, так как они неоднократно ранее применялись. Более надежных наручников нам не выдавалось», — процитировал сегодня прокурор показания, которые Фортушняк дал на следствии. В суде он подтвердил достоверность этих показаний.

Фортушняк. Мы вывели пятерых человек и закрыли [зал]. Я их провел к лифту. [Второй конвоир Елизавета] Лукьянова зашла со мной в лифт, мы начали спускать [подсудимых]. Буквально этаж проехали, раздался как бы возглас на ихнем языке, команда своего рода. И полетели удары, цепью били. Я пытался достать оружие, но у меня на руках повисли… Там еще места мало, буквально придавили и повисли на руках. Я не успел достать оружие. Удары продолжались. На шею цепь накинули и стали душить. И одновременно бить по голове. Меня душили, и от ударов сильных я потерял сознание. И… Я пришел в себя… А, лифт остановился, ваша честь, они стали раскачивать лифт. Лифт остановился. И они буквально… Меня били и по голове, и по ногам, еще и душили, пока не потерял сознание. Потом я пришел в себя от выстрелов, стреляли очень близко, буквально метрах в трех-четырех. Я почувствовал, что у меня руки были скованы браслетами, наручниками. Я не смог шевелиться, у меня ноги вообще… Меня вынесли, потом стрельба прекратилась, зашли ребята и вынесли меня в коридорчик. Потом приехала скорая, мне сделали укол, и я попал в реанимацию. Несколько дней я находился в реанимации, потом был переведен в госпиталь. <…> Я иной раз теряюсь. Не могу [понять], где нахожусь. До сих пор мне как-то… Не помню, где нахожусь, потом со временем прихожу в себя. До сих пор после травмы.

Прокурор. Помимо вас кто еще из конвойных был перед нападением в лифте?

Фортушняк. Вдвоем, я и [Елизавета] Лукьянова. Только вдвоем мы были.

Прокурор. Видели ли вы, в отношении Лукьяновой аналогичные действия производили подсудимые, били ее?

Фортушняк. Да, нападение было очень спланированное, и быстро очень. Ее вырубили буквально двумя ударами, а потом накинулись на меня. Удары сыпались. Причем не только руками — и ногами [били]. И сотрясение у меня было. И душили. И вот травма копчика еще. Нападение было в общем спланированное.

Прокурор. А куда били ее?

Фортушняк. В лицо и по голове.

Прокурор. Чем?

Фортушняк. Руками, и на руки наматывали цепь. <...>

Прокурор. Нападавшие завладели оружием?

Фортушняк. Да, пистолетом [Макарова].

Прокурор. Вашим или ее?

Фортушняк. Ее. Потом я так понял, когда пришел в себя, что у меня тоже нет пистолета.

Прокурор. Вам впоследствии известно стало, каким образом нападавшие распорядились вашим пистолетом?

Фортушняк. Я слышал, что выстрелов было очень много. Они пытались с помощью оружия нашего

табельного, его использовали, чтобы прорваться и осуществить побег. Побег был предотвращен.

Прокурор. Обращали ли внимание перед посадкой в лифт, в самом лифте — подсудимые переговаривались между собой?

Фортушняк. Да.

Прокурор. Все пятеро участвовали?

Фортушняк. Да. Им делали замечание, но они просто игнорировали.

Прокурор. На каком языке говорили?

Фортушняк. На азиатском — то ли узбекском, то ли таджикском.

Прокурор. То есть содержание их разговора вы не знаете?

Фортушняк. Нет. Им неоднократно говорили: говорите по-русски. Но они говорили, либо что мы русский не понимаем, либо просто игнорировали. <...>

Прокурор. В адрес вас какие-то выкрики с их стороны были?

Фортушняк. Я знаю из уголовного дела, что они кричали, что «мы убьем нас, терять нечего, Аллаху акбар, мы всех перестреляем». В таком (роде). Я в этот момент потерял сознание и я не помню. Но мне досталось. После этого меня комиссовали.

Полицейский Михаил Ананичев

1 августа 2017 года мы осуществляли физическое прикрытие конвоя из СИЗО № 1 в Мособлсуд. Прибыв в Мособлсуд, половина наряда осталась в автомобиле, половина наряда осуществляли физическое прикрытие этих лиц. Приблизительно где-то в 12–13 часов старшему наряда поступил приказ о прибытии оставшихся в машине — то есть нас — лиц в Мособлсуд, поскольку появилась информация о том, что конвоируемые не нами лица застряли в лифте с конвоирами и имеются основания полагать, что при этом имеется возможность угрозы жизни и здоровью. Собравшись всем нарядом, прибыв в зал — точно затрудняюсь сказать, в зал 212, по-моему — собравшись около лифтовой шахты, нам подтвердили, что лифт застрял между вторым и третьим этажом. Не помню точно, кто сказал, но лифт можно было вытащить либо на второй этаж, либо на третий этаж. Мы разделились на две части. Одна поднялась на третий этаж, вторая осталась на втором. Я поднялся на третий этаж с еще одним сотрудником.

<...> Мы сдвигали столы, чтобы оградить <нрзб> от открытия дверей. Подошел человек в гражданской одежде, задавал вопросы находящимся в лифте конвоирам, он спрашивал их о состоянии здоровья и о положении в лифте, на что я слышал ответы... Ответы были односложные. Женщина отвечала: «Да». И ответы были очень затянуты по времени. После того как столы были сдвинуты, я и сослуживец прошли в темный зал. Вернее, он прошел, а я замешкался и не успел.

Лифта двери были открыты, из них выбежал человек первый, и я остался, получается, между входом в светлый зал и в темный зал, в углу. Достать табельное оружие у меня не получилось, не успел. Выбежавший человек побежал на меня лицом, ударил меня головой, после чего я зажал его голову рукой, вот таким вот образом, она у меня получилась под левой рукой, голова — то есть под шеей. После этого следующий за ним человек, подняв оружие, начал кричать: «Дайте пройти, пропустите нас». Кричал он это неоднократно. Тот человек, который был у меня в захвате, предполагал какие-то попытки сопротивления. После чего я предпринял попытку уйти с линии огня, сделал шаг в сторону, вправо. После этого прозвучал выстрел. Пуля попала мне в плечо. Я отлетел назад вместе с человеком, которого я держал. После этого мы вместе упали на пол. Я упал сверху.

Что дальше было... Все происходило [как бы] в замедленном темпе, и я не очень четко помню. После этого я помню выстрелы. Но их точно было более пяти. Что было дальше, я не помню. Очнувшись, я встал и вышел, начал выходить в темный зал. При этом увидев несколько человек, лежавших на полу, и человек лежал в лифте. Я вышел в темный зал, там были сотрудники ОМОНа.

Полицейский Денис Коробчан

Мы получили подсудимых и доставили в Московский областной суд где-то к 11 часам дня. Доставили, вывели из машины в камеры, после чего я пошел. В тот день я должен был ехать в Бабушкинский суд Москвы.

Выезжать мы должны были в три часа дня. В час дня поступил звонок от заместителя командира роты по кадрам Брыкова Михаила Юрьевича, и он мне сказал о том, что пятый лифт сломался, что с 412-го зала спускают «банду ГТА» в количестве пяти человек. Лифт сломался и застрял. Так как народу не хватало, в тот день должно было быть четыре выездных суда: Мосгорсуд, Тверской суд, Бабушкинский суд и... Точно не помню, еще какой-то, Головинский или Савеловский. Вот четыре суда.

Народ, как говорится, все разъехались, в суде было очень мало народу. Он попросил меня подняться в форме, с оружием к 312-му залу, чтобы помочь вывести из лифта этих подсудимых и через зал суда, через общий коридор завести в другой зал.

После чего я зашел в комнату начальника караула, и вместе с ним вдвоем мы сперва поднялись в 412 зал, там находился командир роты Маханьков и <нрзб>. А потом я, <нрзб> Ланских и еще два сотрудника ОМОНа с 412-го зала, мы спустились в 312-й зал. Все зашли. Там находился просто один подсудимый. Их всех спустили, а он еще остался. После того, как мы зашли в 312-й зал, командир роты сказал мне, что, поскольку в клетке в зале суда находился подсудимый, смотреть за ним.

[Остальные] вышли из 312-го зала и пошли в коридор перед лифтом. Со мной около дверей находился Макаренко. Дальше, как они зашли в коридор перед лифтом, все что там происходило, я не видел вообще. Маханьков, Брыков, Ланских и два сотрудника ОМОНа зашли в коридор. Прошло какое-то время, не помню. Я услышал сильные крики,

что кричали дословно, я не расслышал, просто крики. После криков я услышал выстрелы. После того, как я услышал выстрелы, я… Я находился около камеры зала суда, я прям там достал пистолет, снял с предохранителя и отбежал за камеру. Я знал, что в этой камере бронированные стекла.

<…>

После того, как они все — четыре человека — выбежали в 312-й зал, я по фамилиям их не знаю… ну, «банда ГТА». Из наших сотрудников выбежали только командир роты, Маханьков и Макаренко. Они спрятались под столом. Первый подсудимый выбежал из-за угла камеры, я открыл прицельную стрельбу. Ну, все. На поражение. Я выстрелил в него, попал ему в грудь, после чего он упал, попытался встать, подняться… Я не помню, было ли у него оружие в руках… Ну, он попытался встать и сделать несколько еще выстрелов.

После чего я посмотрел через стекло, что делают лежащие на полу другие подсудимые, и буквально на 5–10 секунд отвернулся. Поворачиваюсь, смотрю, тот, в кого я стрелял, он уже сидит. Он же лежал [до этого]. После того, как он начал наклоняться за оружием, я пару шагов сделал и сделал прицельный выстрел. После этого — как бы после того, как он упал — я побежал к углу камеры и посмотрел на остальных лежащих на полу. Мне показалось, что один подсудимый, лежащий на животе, в него никто не попал. И он приподнял голову, открыл глаза. Начал приподниматься на локтях и тянуться за пистолетом, лежащим от него в сантиметрах 40–50. Ну, я сделал ему выстрел в спину. После чего все успокоилось,

и прибежали еще сотрудники ОМОН. Маханьков, Макаренко, сотрудники ОМОНа проследовали опять же в коридор перед лифтом, чтобы посмотреть, что там произошло с Фортушняком и Лукьяновой. А я так и остался в зале наблюдать за подсудимым.